

**II Международная конференция  
«Сфера правосудия»**

**«Гармонизация частных и публичных интересов  
при отправлении правосудия»**

**Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)**

**Москва, 21–23 октября 2022 года**

**СУДЕБНАЯ ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОЙ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ  
В ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛАХ**

**Монастырский Юрий Эдуардович**

**Доктор юридических наук**

**Профессор кафедры «Гражданское право и процесс»**

**Юридического института Севастопольского государственного университета**

Важнейший сквозной или, если так можно выразиться, фундаментальный принцип, осознаваемый в том числе интуитивно в сложных и неоднозначных обстоятельствах, должен мыслиться и употребляться при единообразном понимании его границ и места в системе понятий и институтов, таких как «вина», «неправомерность» и т. д., выражен в ГК следующим образом. «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

Статья 10 ГК РФ запрещает заведомо недобросовестное осуществление прав — злоупотребление правом. Поскольку законодатель в базовых общих нормах ввел термины с положительным и отрицательным знаком — «добросовестность — недобросовестность», «добросовестный — недобросовестный», — он как будто бы сделал названные категории в глазах цивилистов правовыми, расширив цель их употребления. Теперь недобросовестный — характеристика очень широкая; это и тот, кто проявил вину и совершил уголовный проступок либо более тяжкое преступление, например фальсифицировал документы в гражданском процессе, присвоил ценную вещь, неосторожно повредил имущество. Таким образом, обвиняемый и правонарушитель недобросовестны, так же как и лица, которые ведут себя нечестно или незтично, и не более того.

Добросовестность — важное правовое понятие, ждущее дальнейшей доктринальной разработки и призванное усовершенствовать оценку поведения участников оборота. Соответствующий термин стал использоваться для характеристики действий и употребляется в ГК РФ вместе с его полным антонимом. Крайняя степень недобросовестности по ГК РФ порождает ответственность деятеля. Из-за этого вполне конкретные правовые категории, особенно такие, как вина, строгая ответственность, утрачивают свое значение и заменяются суждениями о нравственном поведении как условия правовой защиты. При этом на самом деле стандарт защиты иногда ухудшается, так как виновность нужно опровергать, а чужую недобросовестность доказывать. Вдобавок вина — понятие разработанное, традиционное, получающее нормативное закрепление как «незаботливость» и «неосмотрительность» в

зависимости от условий оборота и характера обязательства. Здесь представлена превосходная формула, позволяющая варьировать объективную и субъективную оценки поведения. Далее, категория вины предполагает двусторонний анализ правомерности поведения обязанного, с одной стороны, и управомочного — с другой. Несмотря на это, вину ряд авторов до сих пор пытается определить через недобросовестность, т. е. более широкое понятие, когда по крайней мере требуется уточняющая характеристика.

Вина как фундаментальная правовая категория — важный регулятор прежде всего такого основополагающего института, как ответственность. Последняя носит восстановительный, а также стимулирующий характер, существует как виновная / безвиновная, причем сама *culpa* подразделяется на легкую и грубую неосторожность и умысел. Более того, все более расширяется сфера ее применения за счет правовой категории «степень вины». Кроме случаев, прямо предписанных, это регрессное требование ввиду несения субсидиарной ответственности сопричинителей, моральный вред, грубая неосторожность кредитора и должника при деликтах. Сейчас о степени вины говорят как о необходимом условии прямой ответственности контролирующих лиц.

Добросовестность не может иметь градаций; нет установки, что вследствие, например, высокой степени этого качества кредитор получает больший размер убытков, а должник ввиду грубой недобросовестности присуждается к большему изъятию средств. Справедливости ради стоит отметить, что одно разграничение присутствует в ГК РФ: это первое, — недобросовестное поведение, а также «осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью» и «иное заведомо недобросовестное осуществление прав» (злоупотребление правом). Второе по ГК РФ должно влечь за собой и отказ в правовой защите, и несение убытков. Отсюда не без некоторой твердости можно утверждать, что добросовестность — в самом деле фундаментальный принцип гражданского права России, но понятие это в первую очередь фактологическое, а не только правовое, со своим особым значением.

Иногда добросовестность выставляется в качестве регулятора ответственности в гражданском праве. Необходимо понимать, что это место уже занято концептом вины. Добросовестность — трудноопределимая категория. Соответствующий термин имеет много синонимов, ее интегральный контекстуальный заменитель — это «честность». Другие эквиваленты «добросовестности» — «совестливость», «верность», «точность», «внимательность», «старательность», «аккуратность», «сознательность», «исправность», «скрупулезность», «усердность», «пунктуальность», «беспристрастность», «правдивость», «обдуманность», «солидность», «объективность», «преданность», «значимость», «добротность», «надежность», «крепость», «прочность» — скорее находятся вне правового контекста.

Если добросовестность избавить от оттенков старательности и тщательности, то она как принцип именно права, понимаемая в юридическом, а не в общем смысле, становится регулятором предоставления либо лишения гражданско-правовой защиты, и этот смысл заложен в отечественную кодификацию изначально, что, например, выражено в ст. 60 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.: «От лица, которое добросовестно приобрело имущество не непосредственно у собственника, последний вправе истребовать имущество (ст. 59) лишь в том случае, когда оно им (собственником) утеряно или похищено у него». Здесь установлен отказ в юридической защите недобросовестного приобретателя.

Данный подход нашел развитие в п. 1 ст. 10 ГК РФ, но формула здесь оказалась неудачной. К действующей редакции указанной нормы, находящейся в общей части Кодекса и потому системообразующей, напрашиваются своего рода юридико-технические претензии. Она устанавливает, что при обходе закона, целевом причинении вреда лицу, а также заведомо недобросовестном осуществлении прав юрисдикционные органы отказывают в предоставлении защиты и по иску потерпевшего взыскивают возникшие у него убытки. Возникает вопрос об обычной «недобросовестности», которая, в отличие от ее антонима, имеет юридическое значение, так как позволяет правовое вмешательство или требует его. Добросовестность в правовом поле не может означать особых предпочтений.

Итак, при обычной недобросовестности, которая не допускается общим положением п. 4 ст. 1 ГК РФ, как будто бы не наступают неблагоприятные правовые последствия для нарушителя. Однако полагаем, что так считать неверно, и обращаем внимание на то, что п. 2 ст. 10 Кодекса сформулирован как императивная норма об обязанности суда лишить соответствующее лицо правовой защиты при заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав или злоупотреблении правом. В случае же просто недобросовестности при ее неизбежности в имущественном обороте (а ею можно считать любое проявление эгоизма и нечестности) суд должен иметь дискрецию относительно лишения истца защиты. Кроме того, имеется ли заведомость проявленной недобросовестности, зависит от усмотрения суда. Отдельные разрозненные нормы о том, что в некоторых особых случаях, таких как заключение сделок под влиянием обмана и деструктивное ведение переговоров, обычная недобросовестность тоже является основанием для взыскания убытков (п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). В этом заключается развитие значения категории недобросовестности, выразившееся в ужесточении ответственности по названным составам.

Итак, к редакции ст. 10 ГК РФ могут быть замечания, поскольку буквальное ее понимание следующее: недобросовестность недопустима, заведомая недобросовестность, не ускользая от внимания судей, должна иметь результатом отказ в исковой защите и взыскании убытков, если они возникают. Пункт 2 ст. 10 ГК РФ сформулирован как строгая норма, и реакция юрисдикционных органов при злоупотреблении правами предписывается законодателем. В этой же статье закреплен запрет на заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. И, повторимся, из двух правовых категорий – добросовестности и недобросовестности – значение для правового регулирования имеет последняя, поскольку приводит в действие правовые нормы и оценки поведения; первая же относится к нормальному состоянию, при котором правовые механизмы пребывают в покое. Исходя из этого, мы должны ответить на вопрос: как быть, если недобросовестность проявлена, но ее нельзя считать заведомой и потому нельзя охарактеризовать как злоупотребление правом? Путем толкования данной важной нормы общей части ГК РФ необходимо заключить, что при установлении обычной недобросовестности государственный либо третейский суд вправе отказать в защите, но не должен этого делать (п. 3 ст. 1 ГК РФ), даже если недобросовестность не составляет нарушения прав. Оно в соответствии с регулированием возникает только при заведомой недобросовестности, выразившихся отрицательных последствиях для кредитора, и условиях для возложения ответственности на должника. И действительно, недобросовестность имеет множество разных проявлений, и, что главное, она в имущественном обороте неизбежна, а потому не должна всякий раз приводить к лишению правовой охраны.